

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.2.030

УДК 821(94) + 81'373.21:325.2/.8 + 711.4:81'373.211.5 + 81.72 + 811.722

Дмитрий Владимирович Спиридонов

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии,
Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

E-mail: dmitry.spiridonov@urfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8263-5581>

Топонимический дизайн в постколониальном контексте

Рец. на кн.: *Carter P. Naming No Man's Land. Postcolonial Toponymies. Cham : Palgrave Macmillan, 2024. xix + 251 p.*

Аннотация

Рецензируемая книга Пола Картера — известного специалиста в области культурной географии Австралии — посвящена интересной прикладной задаче, а именно созданию названий новых географических объектов области города Перт на языке нунгар, крупнейшей этнической группы, некогда населявшей юго-западную часть Австралии. Топонимические проекты такого рода характерны для многих стран, в которых реализуется постколониальная культурная политика, однако в каждом конкретном случае, в каждом регионе исследователи придерживаются разных принципов топонимического дизайна. Учитывая специфику культуры нунгар, Картер и его коллеги отказались от историко-архивного подхода, предполагающего поиск задокументированных топонимов, которые можно было бы использовать для номинации новых объектов, в пользу создания элементов топонимического ландшафта с нуля, включая придумывание географических терминов для объектов, не имеющих названий в языке нунгар. Главное содержание книги и наиболее интересную ее часть составляет не описание реализованных проектов, а теоретико-методологические основания избранной стратегии. Картер убедительно демонстрирует фундаментальные отличия, которые обнаруживаются между европейским и аборигенным представлением о членении пространства и именовании отдельных его элементов; описывает методологию работы с нунгарами, которая, с одной стороны,

© Спиридонов Д. В., 2026

позволила выявить эти отличия, а с другой — привела к формулированию конкретных номинаций; наконец, обнаруженные отличия становятся поводом для интересных рассуждений о природе и ограничениях «топонимической деколонизации». Несмотря на непростой язык и непрозрачную структуру, книга содержит массу интересных наблюдений, заставляющих по-новому взглянуть на природу топонимической номинации у неевропейских народов.

Ключевые слова

австралийская топонимия; топонимический дизайн; автохтонные языки Австралии; язык нунгар; Перт; постколониальная топонимическая политика; этнография именования географических объектов

Для цитирования

Спиридонов Д. В. Топонимический дизайн в постколониальном контексте // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 2. С. 253–264. Рец. на кн.: Carter P. Naming No Man's Land. Postcolonial Toponymies. Cham : Palgrave Macmillan, 2024. xix + 251 p. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.2.030

Рукопись поступила в редакцию 27.08.2025

Рукопись принята к печати 21.11.2025

Dmitry Vladimirovich SPIRIDONOV

PhD, Associate Professor, Department of Germanic Philology, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: dmitry.spiridonov@urfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8263-5581>

Toponymic Design in a Postcolonial Setting

Review of the book: Carter, P. *Naming No Man's Land. Postcolonial Toponymies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. xix + 251 p.

Abstract

The reviewed book by Paul Carter, a renowned specialist in Australian cultural geography, addresses an intriguing applied problem: the creation of names for new geographical features in the Perth metropolitan area in the Noongar language, the language of the largest Indigenous group that once inhabited south-western Australia. Toponymic projects of this kind are common in many countries pursuing postcolonial cultural policies; however, researchers in different regions often adopt different principles of toponymic design. Taking into account the specific features of Noongar culture, Carter and his colleagues rejected an archival approach based on the search for documented place names that could be reused for naming new features. Instead, they opted to create elements of the toponymic landscape from scratch, including the development of geographical terms for features that have no established names in the Noongar language. The book's main contribution, and arguably its most compelling aspect, lies not in the description of the completed projects themselves but in the theoretical and methodological foundations of the chosen strategy. Carter convincingly demonstrates the fundamental differences between European and Indigenous conceptions of space

and place naming; describes the methodology of working with Noongar communities, which both revealed these differences and led to the formulation of specific names; and uses these findings as a starting point for a thought-provoking discussion of the nature and limitations of what is called “toponymic decolonisation”. Despite its demanding style and somewhat opaque structure, the book contains a wealth of insightful observations that encourage readers to reconsider the nature of place naming in non-European cultures.

Keywords

Australian toponymy; toponymic design; Australian Indigenous languages; Noongar (Nyungar) language; Perth; postcolonial toponymic policy; ethnography of place-naming

For citation

Spiridonov, D. V. (2026). *Toponymic Design in a Postcolonial Setting*. Review of the book: Carter, P. *Naming No Man's Land. Postcolonial Toponymies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. xix + 251 p. *Voprosy onomastiki*, 23(2), 253–264. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.2.030

Received on 27 August 2025

Accepted on 21 November 2025

Проблема топонимического дизайна, т. е. создания географических названий для объектов, расположенных внутри какого-либо ареала, активно развивается в современной лингвистике, культурной и социальной географии. Исследователей, занимающихся такого рода прикладными задачами, обычно заботят образная гармоничность названий, способность реализации ими ориентирующей функции, имиджевый компонент семантики имен, их связь с «культурной идентичностью» соответствующего ареала. Естественными объектами такой рефлексии, как правило, выступают номинации объектов внутригородской среды, поскольку именно в этой сфере процесс номинирования происходит постоянно, при этом сам процесс имеет понятную институциональную рамку и логику, связанную с символическим конструированием реального пространства.

Однако проблематика топонимического дизайна намного шире. Помимо создания с нуля названий для новых объектов, к ней, очевидно, примыкают задачи, связанные с переименованием давно существующих географических объектов или иные типы возрождения старой топонимии. В одних случаях этот процесс обуславливается стремлением жителей закрепить память о месте путем возрождения старых номинаций (причем речь может идти не только о возвращении объектам старых названий, но и о сохранении старых названий в виде хрематонимов [см., например: Lozić Knezović & Marasović-Alujević 2017]), в других — объясняется стремлением сохранить символическую связь с находящимися в ином месте ностальгически значимыми объектами (различные случаи топонимического трансфера, в том числе в ситуации планового уничтожения исходного ареала существования топонимической системы,

ср. в связи с этим уникальный случай чешского города Мост [David 2018]) или является следствием политико-идеологических сдвигов («декоммунизация», «деколонизация» и т. п. в топонимии).

Совершенно особым типом задач в этом ряду представляется создание с нуля никогда не существовавшей в прошлом системы топонимов для номинации как старых, так и новых объектов на исконно используемых в данной местности, но при этом вымирающих автохтонных языках. Анализу именно такого кейса посвящена рецензируемая книга Пола Картера.

Известный специалист по культурной географии Австралии, Картер был приглашен в комиссию, в задачу которой входило предложить новые географические названия на аборигенных языках, которые могли бы заменить топонимы колониального периода. Проекты по переименованию, о которых идет речь в книге, были инициированы правительством Западной Австралии и касались территории, исконно населенной народом нунгар, относительно гомогенной как в географическом, так и в историко-культурном смысле¹.

Как исследователь колониальной топонимии, Пол Картер сделал себе имя в конце 1980-х гг., когда опубликовал ставшую классической книгу «The Road to Botany Bay» [Carter 1988], посвященную колонизации Австралии. По мысли Картера, освоение новой территории — это акт не только физического присвоения, но и культурного освоения пространства. Анализируя дневники исследователей, Картер показывал, как европейцы превращали неизвестный континент в понятный им культурный ландшафт, в том числе с помощью новых географических названий. Австралийская колониальная топонимия, по Картеру, представляет собой искусственную номенклатуру, в которой каждое название изолировано, случайно и не имеет символических (системных) связей ни с окружающим ландшафтом, ни с названиями рядом расположенных географических объектов². Это объясняется тем, что

¹Нунгары (*Noongar, Nyungar*) — одна из крупнейших групп коренных народов Австралии, населяющая юго-западную часть материка. Язык нунгар относится к пама-нюнгской языковой семье. Современные нунгары (по разным данным, их насчитывается от 10 до 30 тыс. человек) в повседневном общении используют австралийский аборигенный английский язык с вкраплениями лексики на языке нунгар, сам же язык используется редко, выборочно (из-за чего невозможно подсчитать количество носителей) и до сих пор слабо документирован [Henderson 2013: 58].

²Яркий пример, к которому Картер возвращается в обеих книгах, — *Lake Disappointment* ‘Озеро Разочарование’: в 1897 г. исследователь Фрэнк Ханн обнаружил, что целый ряд ручьев в регионе Пилбара уходят вглубь материка, он стал двигаться вдоль этих ручьев, надеясь найти пресноводный водоем, однако обнаружил соленое бессточное озеро, которое назвал *Разочарованием* (в отличие от этого нового топонима, аборигенное название озера, разумеется, неизвестное Ханну, — *Kumpupintil* ‘Место сражения’ — отсылает к легенде о битве между племенем марту и эпическими великанами, т. е. встроено в систему мифологических представлений коренного населения). Такого же типа топонимы: *Mount Hopeless* ‘Гора Отчаяние’, *Cape Catastrophe* ‘Мыс Катастрофа’, *Mount*

осваиваемые территории воспринимались колонизаторами как незаселенные, «ничейные» земли (*no man's land*): «колониальное пространство <...> было не только лишено привязки к какому-либо конкретному месту, но и было необитаемым. Это была *terra nullius* в положительном смысле этого слова, т. е. территория, на которой никто не мог чувствовать себя своим» (с. 3). По этой причине работа в проекте по ревитализации нунгарской топонимии мыслится Картером как символическое возвращение именуемого пространства людям, чьи корни и чья историческая память связаны с этой землей.

Сложность заключается в том, что в данном случае: а) не всегда имеются сведения о том, как то или иное место называлось у нунгар; б) в культуре нунгар одно и то же место традиционно могло именоваться по-разному разными группами нунгар в разные времена года³; в) «динамические» принципы топонимической номинации, принятые у нунгар, нужно было совместить с европейским «картографическим подходом», т. е. в процессе реализации проекта было необходимо выбрать «стабильное» имя, которое можно было бы нанести на карту; г) необходимо было придумать названия в том числе для таких объектов, которых не существовало в доколониальную эпоху и сам тип которых (аэропорт, железнодорожная станция, придорожное кафе и пр.) порой не имеет адекватного обозначения в языке нунгар (с. 36–41). Поэтому Картер и его коллеги предпочли не восстанавливать автохтонные названия, а создавать топонимический ландшафт с нуля, но таким образом, чтобы он отражал картину мира современных нунгар.

Методологически такой процесс был бы невозможен без получения соответствующей этнокультурной информации. В данном случае использовался метод, называемый австралийскими антропологами *yarning*, — свободная

Misery 'Гора Несчастье' и мн. др. Названия получали объекты, связанные с личным опытом отдельного человека, который таким образом символически подтверждал не только сам факт освоения этого места, но и — за счет референции к личной истории — свою роль в его освоении. Аппеллятивные географические термины типа *mount*, *river*, *cape* обязательно включались в названия, потому что сами названия зачастую никак не были мотивированы типом номинируемого объекта, причем типы географических объектов, для именования которых в английском языке не было адекватного термина, систематически не получали названий. Таким образом формировалась топонимическая сетка, состоящая в основном из названий рек, озер и разного рода возвышенностей, которые служили ориентирами в процессе освоения и могли быть нанесены на карту [см.: Carter 1988: 46–49, *et passim*].

³ Календарь нунгар делит год на шесть периодов, которые в прошлом определяли циклические миграции разных групп. Одно и то же место могло иметь несколько названий в зависимости от того, кто и в какое время года находился в нем. Например, территория современного Кингс-парка в Перте могла в зависимости от контекста именоваться *Karrakatta* 'Холм крабов', *Yongariny* 'Место для помки кенгуру', *Gennungin Bo* 'Место, откуда далеко видно', *Karlkarniny* 'Место сидения у костра' [Buchanan et al. 2016: 8].

беседа, в ходе которой представители того или иного аборигенного народа общаются между собой, обмениваются историями и воспоминаниями, а исследователь выполняет роль наблюдателя и медиатора⁴. В проектах, реализуемых Картером и его коллегами, участниками беседы были старейшины, что делало разговор более свободным. В результате такого общения появлялась сеть историй, связанных с определенным пространством, из которых извлекались или конструировались названия для тех или иных географических объектов. Картер противопоставляет такой подход «этимологическому», связанному либо с поиском старого названия соответствующего места, либо с придумыванием нового описательного топонима и его последующим обсуждением и одобрением сообществом⁵.

Интересным примером применения методологии *yarning* стала разработка названий железнодорожных станций на языке нунгар. В доколониальную эпоху в районе Перта существовала сеть тропинок (*bidi*), связывавшая места стоянок (*kaleep*). Первые колонисты использовали именно эти тропинки, потому что на них располагались колодцы. Часто переселенцы передвигались в сопровождении проводников из нунгар, стремившихся продемонстрировать гостеприимство и показать пришельцам лучшие земли, затем по местам прохождения этих тропинок прокладывались дороги, а Западно-Австралийская железная дорога начиная с 1879 г. в значительной степени развивалась поверх или вдоль дорог раннего колониального времени. В ходе беседы со старейшинами выяснилось, что для нескольких поколений нунгар работа на железной дороге была почти единственным возможным заработком, у многих с железной дорогой и отдельными станциями на ней были связаны конкретные истории и воспоминания, из которых Картер и его коллеги черпали то, что могло бы стать названиями железнодорожных станций. Притом что современные нунгары вполне способны читать карту и осмыслять пространство

⁴Специфически австралийский термин *yarning* означает ‘беседа, дискуссия, болтовня’. В ходе такой беседы один из участников, рассказчик (как правило, это старейшина, наиболее уважаемый член группы), отзывается на задаваемые исследователем вопросы или тему какой-либо историей, которая, на первый взгляд, может быть не связана с интересующей исследователя темой или вопросом. Эта история может содержать множество вроде бы ненужных деталей, быть плохо структурированной, к тому же ее могут дополнять другие участники — отзываться на нее своими историями, в том числе чисто ассоциативно (в ряде случаев, правда, участники не осмеливаются перебивать старейшин; имеют значение также степень доверия, пол участников). Несмотря на сумбурность такой коммуникации, на множестве примеров показано, что анализ записи разговора действительно содержит информацию по интересующему исследователя вопросу, но выраженную с использованием специфического концептуального языка аборигенной культуры [см.: Johnston & Forrest, 2020: 64–66; Bessarab & Ng’andu 2010].

⁵Применительно к топонимии нунгар такой подход реализуется в рамках проекта *Boodjar Nyungar Placenames* под руководством Леонарда Колларда [см.: Collard et al. 2011].

«по-европейски», сессии *yarning* показали, что места идентифицируются ими не по особенностям рельефа или функции места. Они определяются маршрутами движения, в том числе сезонными переходами, охотой, расположением источников воды и коллективными воспоминаниями. Если «европейская» когнитивная карта фиксирует расположение и какую-то внешнюю особенность номинируемого объекта, нунгарская «когнитивная карта» отражает отношения между местами в процессе перемещения. Поэтому существенной задачей является не придумывание отдельных названий для отдельных объектов (например, железнодорожных станций), а формирование целостной топонимической системы, хотя бы в какой-то мере отражающей миграционные нарративы.

Аналогично строилась работа в проекте по именованию пятнадцати пешеходных мостов через автостраду *Mitchell Freeway*, ведущую к северу от Перта. За основу взят известный по многим источникам и актуализированный в рассказах старейшин мифологический нарратив о том, как, двигаясь от острова Роттнест вдоль побережья на север, в сторону Янчепа, мифическое существо, называемое словом *Kapda* (*karda*, *kaarda* ‘варан’ или ‘крокодил’, возможно, ‘морской Ваугул’⁶), борется с другими мифическими существами и теряет части своего тела, которые превращаются в те или иные элементы ландшафта. Отдельные места на этом маршруте отражают трансформации, преобразования Карды. Так, согласно легенде, озера Нирабап и Новергап созданы в месте, где отдыхал Карда, они появились из его крови (*ngubu*) и костного мозга (*garrap*), из последнего сформировался также известняк, который хорошо виден в окрестностях озера Нирабап. Мосты, проходящие в окрестностях этих озер, было предложено называть *Garrap Yirabidi* и *Ngubu Yirabidi*. Интересно, что слово ‘мост’ отсутствовало в языке нунгар и было предложено самими исследователями, оно образовано словами *yira* ‘высокий, вверх’ и *bidi* ‘тропинка, путь’ (последнее слово обозначает не столько сам объект, сколько само пешее передвижение). Обсуждение со старейшинами привело к закреплению этого неологизма в названиях всех мостов (с. 45–48).

Основная часть книги посвящена не столько описанию процесса построения топонимических систем, сколько теоретическим рассуждениям о том, что такое пространство в картине мира нунгар, как в это пространство встроены названия его отдельных элементов и что значит в этом контексте сам процесс

⁶В мифологии нунгар Ваугул (*Waugul*, *Wagyl*, *Waugal*, *Waagal*, *Waagle*) — мифический змей, верховный дух, создатель, защитник пресной воды, природы и людей. Согласно космогонии «Время сновидений» (*Nyitting*), его перемещения сформировали ландшафт Юго-Западной Австралии: своим телом он прорезал русла главных рек региона, в местах, где он останавливался, возникали изгибы холмов, ущелья, озера и болота.

«деколонизации» топонимии. Автор, например, убедительно показывает, что переименование отдельных географических (в том числе внутригородских) объектов, введение двуязычных названий, присвоение мемориальных имен отражает именно «европейский» взгляд на роль имени и закрепление в топонимии памяти о прошлом⁷. Развивая эту мысль, Картер рассуждает о фундаментальных отличиях, которые обнаруживаются между европейским и аборигенным представлением об имени.

Европейская «теория имени» предполагает, что объект существует до и независимо от своего имени, имя идентифицирует объект в ряду похожих объектов на реальной карте или в сознании людей. Аборигенная топонимия опирается на иные отношения между объектом и его именем: место не существует само по себе, оно возникает внутри некоторой истории (через мифологический рассказ, через социальную практику, через перемещение), по этой причине имя не «прикрепляется» к месту, а участвует в его создании, оно является частью повествования, а не простой условной «меткой», при этом одно и то же место может иметь несколько имен в зависимости от того, частью какой истории оно становится. В ряде случаев одно и то же имя применимо к разным географическим объектам, объединяемым каким-то признаком (не всегда связанным с физико-географическими типологическими характеристиками), что размывает границу между проприальным и апеллативным статусом такого рода слов.

Для европейского взгляда зачастую существенны физические границы называемого объекта, тогда как аборигенное название относится не к объекту в его физических границах, а к объекту как элементу истории. В связи с этим, например, обсуждается возвращение аборигенного названия *Gariwerd* горной цепи в штате Виктория, названной в 1836 г. Томасом Митчеллом *The Grampians* (по аналогии с *Грампианскими горами* в его родной Шотландии). Картер показывает, что если английское название изначально обозначало горную цепь целиком, то задокументированное несколько позже аборигенное название не могло относиться к горной цепи как к типу географического объекта

⁷Во второй главе приводится интересный пример с появлением новой площади в Перте, которую решено было назвать *Yagan Square* — в честь Ягана (ок. 1795–1833), одного из вождей нунгар. Он сопротивлялся британским колонистам, был пленен и жестоко казнен (его отрубленную голову отправили в Лондон, где она долгое время была музейным экспонатом). Такой тип мемориальной номинации типичен для европейской культуры. Однако обсуждение этого названия со старейшинами нунгар показало, что площадь находится не на земле Ягана, т. е. его имя в составе урбанонима оказывается оторванным от той территории, с которой оно исторически связано. Кроме того, само выделение одного героя противоречит традиционной политической культуре нунгар, где решения принимаются советом старейшин. Превращение Ягана в национального героя оказывается навязыванием европейской модели лидерства и не соответствует представлениям нунгар (с. 21–22).

(с. 63–69). Картер приводит наблюдения исследователей, показывающие, что многие аборигенные названия, сохраненные в современной топонимии, первоначально обозначали не тот объект, к которому их впоследствии привязали европейцы⁸.

Европейская карта стремится выделить крупные объекты, а для картины мира аборигенов оказываются значимыми отдельные мелкие элементы ландшафта (дерево, камень, углубление в земле), названия которых образуют густую микротопонимическую сеть. Ее колониальная картография просто игнорирует. Наконец, аборигенные названия могут быть намеренно «непрозрачными»: если для европейца название должно сообщать информацию, то для нунгар имя не существует само по себе, его смысл раскрывается внутри какой-либо истории, а значит, оно обладает смыслом только для того, кто знает эту историю. В то же время европейский топоним зачастую функционирует вне всякой связи с моментом номинации, его мотивация может быть неясна современному жителю этой территории, что не мешает ему употреблять данный топоним. Нунгары же специально поддерживают память о названиях мест через практики рассказывания историй, которые одновременно становятся мнемоническими приемами, позволяющими сохранять память не только о названиях, но и о том, что они значат внутри конкретного нарративного контекста.

Рассуждая о том, как можно примирить европейский и аборигенный взгляд на топонимию, Картер спорит с апологетами так называемой критической топономастики (*critical toponymy*), которые в духе идей постколониализма видят в колониальной топонимии проявление власти, отпечаток определенного риторического и институционального порядка, т. е. всего того, что Мишель Фуко называл термином *dispositif*. Критическому подходу он противопоставляет то, что именуется им «поэтической топономастикой» (*poetic toponymy*), где термин *поэтический* надо понимать в его этимологическом смысле — как ‘относящийся к процессу создания, порождения чего-либо’. В книге, насколько можно судить, «поэтичность» понимается одновременно в двух смыслах. Во-первых, это понятие имеет отношение к процессу появления имени в результате развертывания истории, где история предшествует появлению

⁸Один из лейтмотивов книги — критика двусоставных европейских названий, состоящих из «квалификатора» (географического термина) и «дескриптора» (собственно имени): *Mubi Valley*, *Yarra River* и т. п. Даже там, где «квалификатор» сочетается с аборигенным названием, само включение географического термина отражает европейский способ членения пространства. Кроме того, аборигенное слово, используемое в таких названиях, не всегда относится к именуемому объекту: оно может быть названием для части данного объекта, названием соседнего объекта, названием процесса, связанного с этим объектом, а порой и просто географическим термином.

не только имени, но и самого места как значимого элемента пространства (ср. неоднократно повторяющуюся в книге фразу: «places are made after their stories»⁹). Во-вторых, название становится отправной точкой для разговора («talking point»), в котором оно вызывает к жизни историю, личное или коллективное воспоминание, нарративный мнемонический ряд, — причем этот второй аспект касается не только аборигенной топонимии и того, как она проявляется в разговорах с нунгарами: такой же точно сетью воспоминаний и рассказов окружены для европейских переселенцев и их потомков колониальные топонимы, ставшие неотъемлемой частью культурного ландшафта современной Австралии. В этом отношении та практика «деколонизации» топонимии, которую предлагает Картер, действительно резко отличается от «критической топонимии» и привычных способов ее имплементации в разного рода проектах по возвращению автохтонных географических названий: создание с нуля или возрождение аборигенной топонимии не должно осуществляться путем стирания колониальной топонимии и механического переименования выделенных европейцами объектов лексикой (разной степени случайности, см. выше) из языков коренного населения — это скорее ведет к своеобразной «музеефикации» отдельных элементов автохтонных языков, что само по себе является европейской культурной практикой. Преобразование топонимического ландшафта, по Картеру, должно начинаться прежде всего с осознания тех фундаментальных различий, которые обнаруживаются между европейскими и аборигенными представлениями о пространстве и практиках номинирования его элементов.

Думается, что важным и весьма позитивным аспектом описываемого в книге опыта создания географических названий является тот факт, что создаваемая сеть топонимов на автохтонных языках отражает картину мира современных нунгар, а не тех, с которыми столкнулись первые переселенцы (что, к слову, является одной из причин критики историко-архивного подхода к ревитализации аборигенной топонимии, связанного с поиском задокументированных ранее топонимов). Большинство современных

⁹ Стоит обратить внимание на разницу между рассказами, о которых рассуждает Картер, и тем, что в европейской традиции называется топонимическими легендами. Последние представляют собой вторичный фольклорный жанр, в котором в нарративной форме дается народное объяснение названия, имеющего затемненную внутреннюю форму или мотивировку, т. е. сам географический объект первичен по отношению к названию, интерпретируемому в конкретной истории (объект → название → история). Картер показывает, что «нарративный субстрат» топонимии нунгар первичен не только по отношению к названию, но и — в символическом плане — к самому именуемому месту, вычленяемому из окружающего пространства только в тех границах и в том смысле, в котором это существенно для конкретной истории, и появляющемуся в момент названия внутри конкретной истории (история → название → объект).

представителей коренных народов до некоторой степени европеизированы, они умеют пользоваться привычными нам картами, их представление о пространстве, сохраняющее элементы архаики, трансформировано длительным сосуществованием с переселенцами, разнообразными практиками аккультурации, наконец, они живут в пространстве, где наряду с природными объектами присутствуют объекты современной инфраструктуры (мосты, железнодорожные станции и т. д.), ставшие неотъемлемой частью их повседневной жизни. Пафос «экологического» подхода Картера, основанного на «переговорах», взаимной «притирке» (*negotiation*) двух культур, заключается в том, что «новая» аборигенная топонимия должна отражать именно эту сложную картину мира, в которой одновременно присутствует потребность пройти по пешеходному мосту через автостраду и традиционные нарративы, в которых, разумеется, отсутствует и эта автострада, и пересекающий ее мост, зато присутствуют связываемые этим мостом точки пространства. Вновь создаваемое название моста должно не просто обозначать отдельный объект, оно должно стать частью исходного нарратива, который, в свою очередь, неизбежно будет преобразован с возникновением нового символического объекта. Таким образом, в картине мира европейца новый объект инфраструктуры обретает (как и положено в постколониальном культурном пространстве) аборигенное название, подобное тем названиям, которые, согласно его представлениям, должны иметь все такого рода объекты, например, на карте. Тогда как в картине мира нунгар возникает новый «talking point», трансформирующий исходный нарратив и становящийся отправной точкой для новых историй.

К сожалению, рецензируемая книга написана не самым простым языком, в ней имеется множество авторских терминов, и не все из них получают необходимое в таких случаях объяснение. При этом изложение имеет не вполне прозрачную структуру, а многочисленные отсылки к разнообразным философским и антропологическим идеям не всегда облегчают понимание. Тем не менее теоретические рассуждения автора книги будут интересны отнюдь не только тем, кто погружен в постколониальную проблематику. Этнолингвисты, ономасты, антропологи, специалисты по культурной географии найдут в ней множество интересных примеров, демонстрирующих отличия в представлениях о пространстве и природе номинации географических объектов у европейцев и коренных народов Австралии, Америки и Африки. Думается, что многие наблюдения и общие методологические идеи, высказанные в рецензируемой книге, могут найти применение в изучении и сохранении самых разных традиционных культур.

Исследования

- Bessarab D., Ng'andu B. Yarning about Yarning as a Legitimate Method in Indigenous Research // *International Journal of Critical Indigenous Studies*. 2010. Vol. 3, Iss. 1. P. 37–50. <https://doi.org/10.5204/ijcis.v3i1.57>
- Buchanan J., Collard L., Cumming I., Palmer D., Scott K., Hartley J. Kura koorliny — Introduction: What is the Project? // *Cultural Science*. 2016. Vol. 9, Iss. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.5334/csci.89>
- Carter P. *The Road to Botany Bay. An Exploration of Landscape and History*. New York : Alfred A. Knopf, 1988.
- Collard L., Goodchild B., Marinova D. Understanding Place Names in Southwest Australia. Katitjin Ngulluckiny Boodera // 5th State of Australian Cities National Conference (29 November — 2 December 2011, Melbourne, Australia). URL: <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2011-12/apo-nid60041.pdf> (date of access: 27.06.2026).
- David J. Toponymy in a Relocated City: The City of Most, Czech Republic // *Вопросы ономастики*. 2018. Т. 15, № 2. С. 70–86. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.015
- Henderson J. Language Documentation and Community Interests // *Keeping Languages Alive: Documentation, Pedagogy and Revitalization* / ed. by M. C. Jones & S. Ogilvie. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. P. 56–68.
- Johnston M., Forrest S. *Working Two Way. Stories of Cross-cultural Collaboration from Nyoongar Country*. Singapore : Springer, 2020.
- Lozić Knezović K., Marasović-Alujević M. Transonymization as Revitalization: Old Toponyms of Split // *Вопросы ономастики*. 2017. Т. 14, № 2. С. 159–173. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.017

References

- Bessarab, D., & Ng'andu, B. (2010). Yarning about Yarning as a Legitimate Method in Indigenous Research. *International Journal of Critical Indigenous Studies*, 3(1), 37–50. <https://doi.org/10.5204/ijcis.v3i1.57>
- Buchanan, J., Collard, L., Cumming, I., Palmer, D., Scott, K., & Hartley, J. (2016). Kura koorliny — Introduction: What is the Project? *Cultural Science*, 9(1), 1–21. <https://doi.org/10.5334/csci.89>
- Carter, P. (1988). *The Road to Botany Bay. An Exploration of Landscape and History*. New York: Alfred A. Knopf.
- Collard, L., Goodchild, B., Marinova, D. (2011). Understanding Place Names in Southwest Australia. Katitjin Ngulluckiny Boodera. *5th State of Australian Cities National Conference (29 November — 2 December 2011, Melbourne, Australia)*. Retrieved from <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2011-12/apo-nid60041.pdf>
- David, J. (2018). Toponymy in a Relocated City: The City of Most, Czech Republic. *Voprosy onomastiki*, 15(2), 70–86. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.015
- Henderson, J. (2013). Language Documentation and Community Interests. In M. C. Jones, & S. Ogilvie (Eds.), *Keeping Languages Alive: Documentation, Pedagogy and Revitalization* (pp. 56–68). Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnston, M., & Forrest, S. (2020). *Working Two Way. Stories of Cross-cultural Collaboration from Nyoongar Country*. Singapore: Springer.
- Lozić Knezović, K., & Marasović-Alujević, M. (2017). Transonymization as Revitalization: Old Toponyms of Split. *Voprosy onomastiki*, 14(2), 159–173. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.017